

РОДИТЕЛЯМ ДЕТЯМ

Януш Корчак

ЛЮБОВЬ к ребенку

 ПИТЕР®

Януш Корчак
Любовь к ребенку
Серия «Родителям о детях»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8482449
Любовь к ребенку / Януш Корчак: Питер; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-496-01334-5

Аннотация

Книги Януша Корчака давно стали классикой воспитания. О них не хочется много говорить, их хочется читать, читать и перечитывать тонкие и остроумные замечания, детали, внимательно подсмотренные умным взглядом великого мастера. Эти книги несут ту меру доброты и любви к детям, которая, медленно впитываясь, меняет каждого.

В книгу включен полный текст книги «Как любить ребенка».

Содержание

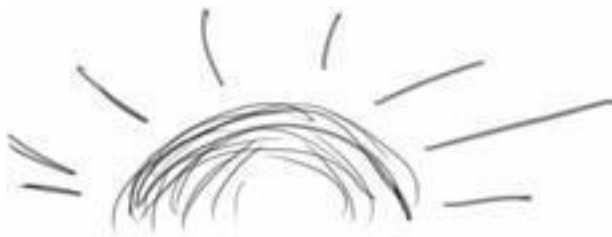
Ребенок в семье[1]	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Януш Корчак

Любовь к ребенку

Ребенок в семье¹

*Ведь родиться – не то, что воскреснуть: могила
отдаст нас, но не взглянет на нас, как мать.
«Ангелли»²*

Прошло пятнадцать лет, прибавилось много вопросов,

¹ Цикл «Как любить ребенка» состоит из четырех самостоятельных частей: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние колонии» и «Дом Сирот». Первая часть впервые была опубликована в Варшаве в 1919 г. Полностью весь цикл вышел в 1920 г. под заглавием «Как любить детей». В 1929 г. при втором издании Корчак вернулся к названию «Как любить ребенка». Вторая часть цикла «Интернат» была издана в СССР в 1922 г. с предисловием Н.К. Крупской.

² Эпиграф взят из поэмы великого польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого (1809–1849) «Ангелли».

предположений и сомнений, возросло недоверие к установленным истинам.

Истина воспитателя – это субъективная оценка опыта, один лишь, последний, момент размышлений и ощущений. Богатство воспитателя – число и вес тревожащих его проблем.

Вместо того чтобы исправлять и дополнять – правильное будет обозначать (петитом) то, что изменилось вокруг меня и во мне.

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

– Не знаю.

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло не помимо, а вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю – «могут», «хотят», а не «обязаны».

В «не знаю» для науки – первозданный хаос, рождение

новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, не искушенного в научном мышлении, – мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, материнство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли – это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дала ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или вовлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скучным или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

2. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца – эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему. Одна кровь течет и в нем, и в тебе – и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей или его или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, – материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, рученок, которыми он к тебе потянется и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль. Но пробьет час – знак:

– Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выталкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет – и ты, и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву,

всеобщему и извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в долгие месяцы тягости и часы родов ребенок не твой.

3. Ребенок, которого ты родила, весит десять фунтов.

В нем восемь фунтов воды и горсть углерода, кальция, азота, серы, фосфора, калия и железа. Ты родила восемь фунтов воды и два – земного праха. А каждая капля этого **твоего** ребенка была паром облака, кристаллом снега, мглой, росой, родником, мутью городского сточного канала. Каждый атом углерода или азота вступал в миллионы разных соединений.

Ты лишь собрала воедино то, что было...

Земля, повисшая в бесконечности.

Близкий друг земли – солнце – пятьдесят миллионов миль.

Диаметр нашей небольшой планеты – это только три тысячи миль огня в тонкой, остывшей на десять миль коре.

На тонкой, наполненной огнем коре, среди океанов – брошена пригоршня суши.

На суше меж кустов и деревьев, насекомых, птиц и зверей – роятся люди.

Среди миллионов людей ты родила еще одного, одну –

что? – былинку, пылинку – ничто.

Уж так-то он хрупок, что его может убить бактерия, которая, и в тысячу раз увеличенная, в поле нашего зрения – только точка...

Но это **ничто** – кровный брат морской волне, вихрю, молнии, солнцу и млечному пути. Эта пылинка – сестра колосу, траве, дубу, пальме – птенцу, львенку и жеребенку, щенку.

В ней есть то, что чувствует и исследует, страдает и устремляется – радуется, любит, надеется, ненавидит – верит и сомневается, приемлет и отвергает.

Эта пылинка охватывает мыслью все: звезды и океаны, горы и пропасти. И чем является содержание нашей души, как не вселенной – только взятой без протяжений?

Вот противоречие в человеческом существе: прах земной стал обителью Бога.

4. ТЫ говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общей матери и отца, дедов и прадедов. Чье-то отдаленное «я», спавшее в веренице предков, – голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоём ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто-то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) – с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы – изменил или соблазнил.

Никто не знает, кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей – подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад.

Ребенок – это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений. Поищи в своём чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок – пылинка в пространстве.

Ребенок – момент во времени.

5. Ты говоришь: «Он должен... Я хочу, чтобы он...»

И выбираешь для него, кем должен быть – жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются – мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели...

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска.

Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу...

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым? Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни... Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, но утомляя?

Собственным примером, помогая, советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты – к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не издевается, не проклиная, не прези-

рает, всегда стремится изменить ошибочное прошлое.

Так и должно быть. И все же...

Пусть ищет, лишь бы не заблуждался, пусть, взбирается, лишь бы не упал, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

– Я другого мнения. Довольно опеки.

– Значит, не нужна я тебе?

– Тяготит тебя моя любовь?

– Неосмотрительное мое детище, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

6. Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, тщательно записывая и высчитывая проценты?

Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

«Мать-ворона мечется, как безумная, почти садится на плечи парнишке, цепляется клювом за его палку и, повиснув над ним, точно молотом бьет головой по стволу, отгрызая небольшие веточки, и каркает хриплым, натужным, сухим голосом отчаяния. А когда мальчик сбросит птенца, она

кидается наземь и, волоча крылья, раскрывает клюв, хочет закаркать – голоса нет – так она машет крыльями и скачет – смешная, ошалевшая – в ноги парнишке. Когда же перебьют всех ее детей, мать-ворона взлетает на дерево, забирается в пустое гнездо и, кружа но нему, все думает» (Жеромский)³.

Материнская любовь – стихии. Люди ее переделали на свой лад. Весь цивилизованный мир, за исключением народных масс, которых не коснулось культура, занимается детоубийством. Супруги, у которых двое детей, хотя могло быть двенадцать, – убийцы десятерых неродившихся, а среди них был один, именно он – «их ребенок». Быть может, среди нерожденных они убили самого ценного.

Так что же делать?

Воспитывать не этих детей, которые не родились, а этих, которые рождаются и будут жить.

<...>

7. Здоров ли?

Еще так странно, что он уже больше не она сама. Еще недавно в их двойной жизни боязнь за ребенка была частью боязни за саму себя.

Она так желала, чтобы это уже кончилось, так сильно хотела, чтобы эта минута уже была позади. Думала, будет сво-

³ Цитата из новеллы польского писателя Стефана Жеромского (1864–1925) «Забвение».

бодна от забот и тревог.

А сейчас?

Странная вещь: раньше ребенок был ей ближе, более свой, в его безопасности она была больше уверена, лучше его понимала. Думала, что она знает, сумеет... С момента, когда забота о нем перешла в чужие руки, опытные, оплачиваемые и уверенные, мать – одинокая, отодвинутая на задний план – испытывает беспокойство.

Мир его уже у нее отнимает.

И в долгие часы вынужденного бездействия мать спрашивает себя: что я ему дала, чем наделила, чем наградила?

Здоровый? Так почему плачет?

Почему худенький, плохо сосет, не спит, спит так много, отчего у него такая большая головка, ножки скрючены, стиснуты кулачки, красная кожаца, белые прыщики на носу, косят глазки, почему он икает, чихнул, давится, охрип?

Так и должно быть? А может, ее обманывают?

И она смотрит на это маленькое, беспомощное существо, не похожее ни на одно из точно таких же маленьких и беспомощных существ, которые она видела на улице или в парке.

Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, проглядели?

Мать с недоверием слушает врача, изучая его взглядом: она желает понять по глазам, пожатию плечами, поднятой брови, нахмуренному лбу: говорит ли он правду и достаточ-

но ли сосредоточен.

8. «Красив ли? А мне все равно».

Так говорят неискренние матери, желая подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, внешность, приятный голос – капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими достоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.)

Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитания без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значение красоты, это-то и портит.

Это как бы презрение к человеческой красоте – пережиток средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, – как остаться равнодушным к красе человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему про то не скажет никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду – восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые ли, ровесники ли. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что рука – это его рука, которой он пользуется.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый – попасть в катастрофу, так и красивый – оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности – невыделяемый, незамечаемый – жить счастливо. Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Эта совокупность тысяч и тысяч отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?».

– А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

9. Умен ли?

Вначале мать спрашивает с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать, хотя бы со слезами, даже если заснешь лишь через час. Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит... Он старше на... несмотря на это, еще... Он плохо учится...»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъявляется требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Нельзя, чтобы ребенок состоятельных родителей стал ремесленником. Пусть уж лучше будет человеком падшим и несчастным. Не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а тщеславие толпы, не поиски пути, а пути шаблона.

Ум бывает активный и пассивный, живой и вялый, настойчивый и безвольный, покладистый и своенравный, творческий и подражательный, показной и глубокий, конкретный и абстрактный, ум математика, естествознателя, писателя; блестящая и посредственная память; ловкая манипуляция случайными знаниями и честная нерешительность; врожденные деспотизм, вдумчивость, критицизм; преждевременное и запоздалое развитие; односторонность или разносторонность интересов.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса окончит», – опускают руки родители.

Предчувствуя блистательный Ренессанс физического труда, я вижу кандидатов для него во всех классах общества. А до тех пор – борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неровным по своим способностям ребенком.

Не «умен ли вообще», а скорее «какого склада у него ум?».

Наивный призыв к семье добровольно принести тяжелую жертву. Пристальное изучение способностей ребенка обуз-

дает эгоистичные амбиции родителей. Разумеется, это песнь отдаленного будущего.

10. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать «хороший» с «удобным».

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен – хороший.

А плохой – капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. Одному хватит единицы страдания, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей крика.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, чуткой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяет младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходился плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

11. Крик ребенка – неприятный сюрприз для молодой матери.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела: ждала одних пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно, современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда она, ошеломленная (живы еще отзвуки тяжких часов, длившихся столетия), едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершённой работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни: едва уступив иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя – этот другой – уж само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа...

...Вдруг слышит...

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на

что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Да раз я не могу, не хочу, не знаю как!»

Этот первый крик при свете ночника – предвестник борьбы сдвоенной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, отречься и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты не винишь его; он не понимает, страдает. Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

12. Бывают новорожденные и младенцы, которые мало плачут, – тем лучше.

Но есть и такие, у которых от крика взбухают на лбу вены, выпячивается темечко, багровая краска заливает личико и головку, губы синеют, беззубый ротик дрожит, животик вздувается, судорожно стискиваются кулачки, ножки колотят по воздуху. Вдруг он умолкает без сил, с выражением полной покорности глядит «с упреком» на мать, жмурит глаза, моля о сне, а после нескольких поспешных вдохов и выдохов опять подобный, а может, и еще сильнее приступ крика.

Неужто выдержат это маленькие легкие, крохотное сердце, юный мозг?

На помощь, врача!

Проходит вечность, прежде чем врач появляется и выслушивает со снисходительной улыбкой ее опасения, такой чужой, неприступный, профессионал, для него этот ребенок – один из тысячи. Появляется, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, слушать иные жалобы, появляется сейчас, днем, когда на душе повеселело: солнце, на улице люди; появляется, когда ребенок как раз заснул, видно, изнуренный часами без сна, и еле заметны следы кошмарной ночи.

Мать слушает, иногда слушает невнимательно. Мечты о враче-друге, советчике, проводнике в тяжелом странствии развеялись безвозвратно.

Она вручает гонорар и опять остается одна в печальном убеждении, что доктор – безучастный чужой человек, который не поймет. Да он и сам колеблется, ничего не сказал определенно.

13. Знай она,

как важны эти первые дни и недели, и не столько для здоровья ребенка сейчас, сколько для будущности их обоих!

А уж как легко упустить!

Вместо того чтобы примириться с мыслью, что если врачу ее ребенок интересен лишь тем, что приносит доход или льстит тщеславию, так и для мира он ничто, и дорог лишь ей...

Вместо того чтобы примириться с современным состоя-

нием науки, которая догадывается, старается узнать, изучает и делает шаг вперед – знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно установить: воспитание ребенка – это не милая забава, а дело, требующее капиталовложений – тяжких переживаний, забот, бессонных ночей и много, много мыслей...

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств на честное знание без иллюзий, без детского фыркания и эгоистичной горечи, она способна перевести ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не может смотреть» на мучения крошки, «не может слышать» его жалобных призывов; способна опять и опять вызывать врачей, не приобретая никакого опыта, – прибитая, отупевшая, одуревшая.

Как наивна радость матери, что она поняла первую неясную речь ребенка, угадала путанные, недоговоренные слова! Лишь сейчас?.. Лишь это?.. И не больше?..

А язык плача и смеха, язык взгляда и губ сковородочкой, язык движений и сосания?..

Не отрекайся от этих ночей! Они дают то, чего не дает книга и ничей совет. Ценность этих ночей не только в знании, но и в глубоком душевном перевороте, который не позволяет вернуться к бесплодным размышлениям: «Что могло бы быть, что должно бы быть, как было им хорошо, если бы...», а учит действовать в условиях, которые налицо.

В эти ночи может родиться дивный союзник, ангел-храни-

тель ребенка – интуиция материнского сердца, ясновидение, которое состоит из пытливой воли, зоркой мысли, неомраченных чувств.

14. Бывало и так:

вызывает меня мать.

– Ребенок здоров, с ним ничего нет. Но я хотела бы, чтобы вы его посмотрели.

Осматриваю, даю несколько указаний, отвечаю на вопросы. Да здоров же, милый, веселый!

– До свидания!

И в тот же вечер или на другой день:

– Доктор, у ребенка жар.

Мать заметила то, чего и врач не сумел прочесть при поверхностном осмотре во время краткого визита.

Часами склоненная над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно она заметила, и, не доверяя себе, не смеет признаться в сделанных ею тонких наблюдениях.

А она заметила, что у ребенка хрипоты нет, но голос глуховатый. Лепечет чуть меньше или тише. Раз вздрогнул во сне, несколько сильнее, чем обычно. Рассмеялся, когда проснулся, но потише. Сосал чуть медленнее, может быть, с более длительными передышками, как бы рассеянно. Улыбнувшись, скривился, а может, это только показалось? Люби-

мую игрушку бросил в гневе – отчего?

Сотней симптомов, которые заметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Нехорошо мне сегодня».

Мать не верила в то, что она заметила, потому что в книжке ни об одном таком симптоме не читала.

15. В бесплатную поликлинику мать-рабочая приносит двухмесячного младенца.

– Не сосет. Еле возьмет сосок, бросает. С ложечки пьет. Иной раз во сне, а то и не во сне как вскрикнет вдруг...

Осматриваю рот, горло – ничего не вижу.

– Дайте ему, пожалуйста, грудь.

Ребенок хватает сосок, сосать не хочет.

– Вот ведь какой стал!

Наконец ребенок берет грудь, быстро, как бы в отчаянии, делает несколько сосательных движений и с криком выпускает.

– Вы поглядите, у него что-то на десне.

Осматриваю во второй раз, покраснение, но странное: только на одной стороне.

– Вот тут что-то чернеется, зубик, что ли?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным ободком. Приподнимаю, под ним – маленькое красненькое углубление с кровавым краем.

Наконец это «что-то» у меня в руках: конопляная шелуха!

Над люлькой висит клетка с канарейкой. Канарейка бросила шелуху, та упала на губу, проскользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: *stomatitis catarrhalis*, *soor*, *stom. aphtosa*, *gingivitis*, *angina*⁴ и т. д.

А мать: больно, что-то во рту.

Я два раза производил осмотр... А она?

16. иногда врача удивляет точность и дотошность материнских наблюдений.

С другой стороны, он с равным удивлением устанавливает, что зачастую мать не умеет не то что понять, а даже заметить самый наипростейший симптом.

Ребенок от рождения плачет, мать ничего больше не увидела. Плачет и плачет...

Возникает ли плач внезапно, сразу достигая вершины, или жалобное хныканье постепенно переходит в крик? Быстро ли младенец успокаивается, сразу после выделения кала или мочи, или после того, как вырвало (или сам выплюнул)? Вдруг ли разревется во время купания, одевания, вставания или, словно жалуясь, плачет протяжно, без внезапных вспы-

⁴ *Stomatitis catarrhalis (simplex)* (лат.) – катаральное воспаление слизистой оболочки рта; *soor* (лат.) – афты; *stom. aphtosa* (лат.) – афтозное воспаление рта; *gingivitis* (лат.) – воспаление десен; *angina* (лат.) – ангина.

шек? Какие при этом делает движения? Трется головкой о подушку, чмокает губами? Успокаивается ли, если носить, а распеленаешь и положишь на животик, часто ли меняет положение? Засыпает после плача крепким сном и надолго или просыпается при любом шорохе? Плачет до или после сосания, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время сосания? Надолго? Или не хочет сосать? Как не хочет? Бросает сосок, чуть взял в рот, или при глотании? Сразу или спустя некоторое время? Решительно не желает или можно склонить на сосание? Как сосет? Отчего не сосет?

Если насморк, то как будет сосать? Жадно и сильно, потому что хочется пить, а потом частыми небольшими глотками и неровно, делая передышки, потому что не хватает дыхания? А если и дальше глотание болезненно, то что будет?

Плачут не только с голоду и от болей в «животике», но и когда болят губы, десны, язык, горло, нос, палец, ухо, кости; от боли в поцарапанном клизмой заднем проходе, при болезненном выделении мочи, при тошноте, жажде, перегревании, зуде кожи, на которой еще сыпи нет, но появится через месяц-другой; плачут из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, ворсинки ваты, которая встала в горле, шелухи от семечка из канарейкиной клетки.

Вызови врача на десять минут, но и сама наблюдай все двадцать часов.

17. Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль.

Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами. Будто печатное слово – откровение, а не результат наблюдений – только чьих-то, а не моих, вчерашних, а не сегодняшних, над чьим-то, а не над моим ребенком.

А школа выработала трусость, страх выдать, что не знаю.

Сколько раз мать, записав па листке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается их высказать. И как исключительно редко даст ему этот листок, потому что она там «написала глупости».

Сама скрывая, что она не знает, сколько раз она заставит и врача скрыть сомнения и колебания, ответить определенно! Как неохотно принимает широкая публика ответы условные, как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелью! Как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном!

Порой родители не хотят знать то, что они уже узнали, и видеть то, что они уже увидели.

Роды в кругах, где царит фанатизм удобств, являются чем-то столь редким и злостно-исключительным, что мать категорически требует от природы щедрой награды. Если мать согласилась на лишения, на неприятности, недомогания бе-

ременности и муку родов, ребенок должен быть таким, каким она его придумала.

Хуже того: привыкнув, что на деньги можно купить все, она не хочет смириться с фактом, что есть что-то, что может получить нищий и чего не подадут, как ни проси, магнату.

Сколько раз в поисках того, что снабжено на рынке общей этикеткой «здоровье», родители покупают фальсификаты, которые или не помогают, или приносят вред.

18. Младенцу – грудь матери.

Не имеет значения, родился он потому, что бог благословил супругов или девица потеряла стыд; шепчет мать: «Мое сокровище» – или вздыхает: «Как мне быть, горемыке»; почтительно поздравляют ее светлость или бросят деревенской девчине: «Тьфу, потаскуха».

Проституция, которая служит мужчине, находит свое социальное дополнение в институте кормилиц, который служит женщине.

Следует глубоко осознать: это освященное традицией кровавое злодеяние по отношению к ребенку бедняка даже не на благо ребенку богатых. Ведь кормилица могла бы кормить и двоих зараз: своего и чужого. Молочная железа даст столько молока, сколько от нее потребуют. У кормилицы тогда пропадает молоко, когда ребенок выпивает молока меньше, чем дает грудь.

Формула: молочная грудь, слабый ребенок – молоко пропадает.

Странная вещь: в менее серьезных случаях мы склонны обращаться за советами ко многим врачам, а в столь важном: может ли мать сама кормить грудью – довольствуемся одним, подчас неискренним, подсказанным случайными людьми.

Каждая мать может кормить, у каждой достаточное количество молока; и только незнание техники кормления лишает ее этой врожденной способности.

Боли в груди, трещины на сосках являются некоторым препятствием. Но страдание окупается сознанием, что мать вынесла всю тягость, не переложив ничего на плечи купленной рабыне. Ибо кормление – это продолжение беременности, «только ребенок переместился наружу и, отрезанный от последа, взял грудь и пьет не красную, а белую кровь».

Пьет кровь? Да, материнскую – это закон природы, а не убиенного молочного брата – что узаконили люди.

Отголосок интенсивной борьбы за право ребенка на грудь. Сегодня во главе угла стоит жилищный вопрос. А что будет завтра? Таким образом, интересы автора определяются текущим моментом.

19. Может, и я сочинил бы медицинский «Египетский сонник» для матерей.

«Вес три с половиной кило при рождении означает здоро-

вье, благополучие».

«Испражнения зеленые, слизистые: беспокойство, неприятное известие».

Может, и я составил бы «Любви зеркало», сборник советов и указаний.

Но я убедился, что нет предписания, которого не довела бы до абсурда не критичная крайность.

Старая система:

Грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой». Младенец переходит из рук в руки, его качают, «тетешкают» все перепростуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, ноют песенки – ну просто ярмарка!

Новая система:

Каждые три часа грудь. Ребенок при виде приготовлений проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, мать его будит – пора кормить, голодного отнимает от груди – время истекло. Лежит – не надо трогать. Не приучать к ношению на руках. Выкупанный, сухой, сытый ребенок должен спать. Не спит. Надо ходить на цыпочках, завесить окна. Больничная палата, морг.

Не мысль работает, а предписание приказывает.

20. Не «Как часто кормить», а: «Сколько раз в сутки».

Такая постановка вопроса развязывает матери руки; пусть сама устанавливает часы, как лучше ей и ребенку.

Сколько раз в сутки должен сосать ребенок?

От четырех раз до пятнадцати.

Как долго держать у груди ребенка?

От четырех минут до сорока пяти и дольше.

Мы встречаем: грудь, легко и трудно отделяющую молоко, с обильным и скудным молоком, с хорошо выраженными сосками и невыраженными, с тугими и ранимыми. Мы встречаем детей сильно, неровно и лениво сосущих. Поэтому единого рецепта нет.

Сосок слабо выражен, но прочный; новорожденный активный; пусть он сосет часто и подолгу, чтобы «разработать» грудь.

Молочная мать, ребенок слабый. Может, лучше перед кормлением отцедить часть молока и заставить ребенка напрягаться? Не может справиться? Дать грудь, а оставшееся молоко отцедить.

Грудь туговата, ребенок вялый. Он начинает пить минут через десять.

На одно глотательное движение может приходиться от одного до пяти сосательных. Количество молока в одном глот-

ке может быть больше или меньше.

Берет грудь, сосет, но не глотает; редко, часто глотает.

«По подбородку течет». Может, потому, что молока много, а может, и потому, что молока мало, ребенок изголодался, сильно втянул в себя и поперхнулся – но только первыми глотками.

Как можно, не зная ребенка и матери, давать предписания? «Кормить по десяти минут пять раз в сутки» – это схема.

21. Без весов нет техники кормления грудью.

Все, что мы не сделаем, будет игрой в жмурки!

Кроме взвешивания, нет иного способа узнать, высосал ребенок три ложки молока или десять.

А от этого зависит, как часто он должен сосать, как долго, из обеих или из одной груди.

Весы могут быть непогрешимым советником, если видеть то, что есть на самом деле, и могут стать тираном, если мы захотим получить схему «нормального» роста ребенка. Как бы нам один предрассудок – о зеленых испражнениях – не сменить на другой – об идеальных кривых!

Как взвешивать?

Следует отметить, что бывают матери, которые убили много сотен часов на гаммы и этюды, а ознакомиться с весами им в тягость. Взвешивать до и после кормления? Такая

возня! Бывают и другие, которые не отмахиваются от весов, а окружают их вниманием – этого любимого домашнего врача.

Дешевые весы для грудных детей, такое распространение весов, чтобы «забрали под соломенную стреху», – это социальный вопрос. Кто его поднимет?

22. Как это происходит?

Одно поколение детей выросло под лозунгом: молоко, яйца, мясо, а другое получает каши, овощи, фрукты?

Я мог бы ответить: прогресс химии, исследования в области обмена веществ.

Нет, суть изменения ищи глубже.

Новая диета является выражением доверия науки к живому организму, уважением к его воле.

Когда давались белки и жиры, хотели стимулировать развитие организма, специально подбирая диету, а сейчас мы даем все: пусть живой организм сам выбирает, что ему надо, что приносит пользу, пусть сам управляет своими силами, активом унаследованного здоровья и потенциальной энергией развития.

Не что мы даем ребенку, а что он усваивает. Каждое насилие и излишество – это балласт, каждая односторонность – возможная ошибка.

Даже будучи близки к истине, мы можем сделать ошибку,

а повторяя ее последовательно из месяца в месяц, мы наносим вред организму или усложняем ему работу.

Когда, как и чем прикармливать?

Тогда, когда ребенку не хватает высосанного им литра молока; не сразу, а постепенно и всегда дождавшись реакции организма; прикармливать всем, в зависимости от ребенка, его ответа.

23. А кашки?

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем.

Жидкость для выращивания волос, эликсир для зубов, пудра, которая омолаживает кожу, кашки, облегчающие прорезывание зубов, – зачастую это позор для науки и никогда – ее гордость, взлет, достижение.

Фабрикант обеспечит кашками и нормальный стул, и эффектный вес, даст то, что мать тешит, а ребенку по вкусу. Но ребенок станет водянистым, рыхлым, раскормленным, может быть, вялым, может быть, с пониженной жизнеспособностью.

И всегда фабрикант дискредитирует грудь, правда, осторожно, пробуждая сомнения, потихоньку подкапываясь, искушая и потакая слабостям толпы.

Кто-нибудь скажет: ученые со всемирно известными именами выразили одобрение. Но и ученые – люди: и среди них есть более проницательные и менее проницательные, осмот-

рительные и легкомысленные, честные и фальсификаторы. Сколько их, генералов науки не силой гения, а оборотливостью или привилегией богатства и рождения! Наука нуждается в дорогостоящих лабораториях, а их дают не только за подлинные достоинства, но и за притворство, и за потворство, и за интриги.

Я присутствовал на заседании, где наглая самоуверенность присваивала плоды двенадцати лет добросовестного исследовательского труда. Я знаю открытие, сфабрикованное к известному международному съезду. Питательный препарат, значение которого подтвердило несколько десятков светил, оказался фальсификатом; был судебный процесс; скандал быстро замяли.

Не кто похвалил кашку, а кто не хотел ее хвалить, несмотря на все старания агентов и фабрикантов. А они-то уж умеют домогаться и добиваться. Предприятия-миллионеры обладают большим влиянием; это сила, перед которой не каждый устоит.

Многие моменты в этих разделах – отголоски моего бракоразводного процесса с медициной. Я видел и отсутствие опеки, и халтурность медицинской помощи. (Каменьского⁵ недооценивали, Брудзинский⁶ первым сумел потребовать и

⁵ Каменьский Станислав (1860–1913) – польский врач-педиатр, специалист в области детской физиологии и гигиены.

⁶ Брудзинский Юзеф Поликарп (1874–1917) – польский врач-педиатр и невролог.

добиться равноправия для педиатрии.) На нищете и запустении стала нахально наживаться иностранная промышленность медицинских препаратов. Сегодня у нас есть пункты опеки, фабричные ясли, летние колонии, детские здравницы, школьные медицинские пункты, больничные кассы. Еще беспорядок и нехватки, но мы дожили: видим начало. Теперь можно верить в каши и лекарства: их задача не подменять гигиену и социальное обеспечение, а помогать им.

24. У ребенка жар, насморк.

Ему ничто не угрожает? Когда он выздоровеет?

Наш ответ – равнодействующая ряда суждений на основе того, что мы знаем и сумели заметить.

А значит: сильный организм преодолевает слабую инфекцию в два-три дня. Если инфекция сильнее или ребенок слабее, недомогание продлится неделю. Посмотрим.

Либо: недомогание легкое, но ребенок очень мал. Катар у младенцев часто переходит со слизистой носа на гортань, трахею, бронхи. Увидим.

Наконец, из ста подобных случаев девяносто оканчиваются быстрым выздоровлением, в семи – болезненное состояние затягивается, в трех – развивается осложнение и может наступить смерть.

Примечание: а может, за легкой простудой скрывается другое заболевание?..

Но мать не хочет предполагать, она хочет иметь полную уверенность.

Можно диагноз уточнить, исследуя выделения носа, получить анализы мочи, крови, спинномозговой жидкости, можно сделать рентгеноскопию, вызвать специалистов. Возрастает процент безошибочности в диагностике, прогнозировании и даже лечении. Но уравнивает ли этот плюс вред многократных осмотров и присутствие большого числа докторов, каждый из которых может внести в волосы, складках одежды, при разговоре более опасную инфекцию?

Где ребенок мог простудиться?

Можно было этого избежать.

А не вырабатывает ли эта легкая инфекция иммунитет против более сильной, с которой ребенок столкнется через неделю, через месяц, и не совершенствует ли она защитный механизм: в термическом центре мозга, железах, составных частях крови? И можем ли мы изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит, а один кубический сантиметр его содержит тысячи бактерий?..

Не явится ли это новое столкновение того, к чему мы стремимся, с тем, перед чем вынуждены отступить, еще одной попыткой вооружить мать не образованием, а разумом, без которого ей не воспитать правильно ребенка?

25. Пока смерть косила рожениц, не очень-то думали о новорожденном.

Его заметили, когда асептика и техника медицинской помощи научились сохранять жизнь матери. Пока смерть косила младенцев, все внимание науки должно было направляться на бутылочку и пеленку. Теперь, может быть, уже недолго – и наряду с вегетативным обликом ребенка мы четко разглядим психический склад, жизнь и развитие ребенка до года. То, что сделано до сих пор, даже еще не начало работы.

Бесконечный ряд психологических проблем и проблем на грани физиологии и психологии младенца.

Наполеон страдал родимчиком. Бисмарк был рахитиком, и уж бесспорно – каждый пророк и преступник, герой и предатель, большой и малый, атлет и замухрышка был младенцем, прежде чем стать взрослым человеком. Если мы хотим изучать амебы мыслей, чувств и стремлений до того, как они развились, дифференцировались и сложились, мы должны обратиться к младенцу.

Только безграничное невежество и поверхностность взгляда могут позволить недоглядеть, что младенец представляет собой некую строго определенную индивидуальность, состоящую из врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия и жизненного опыта.

26. Сто младенцев.

Я склоняюсь над кроваткой каждого. Вот они, чья жизнь исчисляется неделями или месяцами, – разного веса и с разным прошлым своей кривой, больные, выздоравливающие, здоровые и с трудом цепляющиеся за жизнь.

Встречаю разные взгляды, от угасших, словно подернутых пеленой, без выражения, и от упорных, болезненно-сосредоточенных до оживленных, приветливых и даже задорных. И улыбка приветствия, внезапная, дружеская, или улыбка после внимательного наблюдения, лишь в ответ на мою улыбку и ласковое слово-поощрение.

Что сразу мне показалось случайностью, повторяется в течение многих дней. Я записываю, выделяя доверчивых и недоверчивых, спокойных и капризных, веселых и мрачных, неуверенных, боязливых и враждебных.

Всегда веселый: улыбается до и после кормления, разбудь его – сонный, разомкнет веки, улыбнется и уснет. Всегда мрачный: с беспокойством встречает тебя, уже готовый заплакать, за три недели улыбнулся, и то мельком, лишь раз...

Осматриваю горло. Живой, бурный, страстный протест. Или лишь досадливо сморщится, нетерпеливо мотнет головой и уже добродушно улыбается. Или подозрительно насторожен при каждом движении чужой руки, впадает в гнев раньше, чем испытал боль...

Массовая прививка оспы: по пятидесяти детей в час. Это уже эксперимент. И опять – у одних немедленная и энергичная реакция, у других – постепенная и слабая, а у третьих – безразличие. Один младенец довольствуется удивлением, другой доходит до беспокойства, третий бьет тревогу; один быстро приходит в равновесие, другой долго помнит, не прощает...

Кто-нибудь скажет: возраст. Да, но только до известной степени. Быстрота ориентации. Память пережитого. О, мы знаем детей, которые приобрели горький опыт знакомства с хирургом; знаем, что есть дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфорой.

А разве психический облик зрелого человека складывается из чего-то другого?

27. Один младенец:

Родился, уже примеренный с холодом воздуха, жесткой пеленкой, беспокойством звуков, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо и смело. Уже улыбается, уже агукает, уже владеет руками. Растет, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда это произошло?

Спокойное, безоблачное развитие...

Второй младенец:

Прошла неделя, прежде чем научился сосать. Ряд тревожных ночей. Неделя без хлопот, однодневная буря. Развитие

несколько вялое, прорезывание зубов тяжелое. В общем, бывало по-разному, но теперь уже все в порядке: спокойный, милый, потешный.

Быть может, прирожденный флегматик и недостаточно продуманная опека, недостаточно хорошая грудь, развитие благополучное.

Третий младенец:

Стремительный. Весел, легко возбудим, испытывая неприятные впечатления, начало которых в его организме или вне организма, борется отчаянно, не щадя сил. Живые движения, неожиданные смены, сегодняшний день не похож на вчерашний. Усваивает и забывает попеременно. Развитие скачкообразное, с резкими подъемами и падениями. Неожиданности от самых приятных до мнимо грозных. Невозможно определить.

Наконец: легко возбудим, раздражителен, сила, но капризная; может быть, представляет собой большую ценность...

Четвертый младенец:

Если сосчитать солнечные и дождливые дни, первых окажется немного. Недовольство как основной тон. Нет болей, так есть неприятные ощущения; не ворчит, так куксится. Было бы хорошо, да... Никогда безоговорочно.

Это ребенок с предрасположенностью к некоторым заболеваниям, неразумно воспитываемый...

Температура комнаты, сто граммов молока лишних, сто

граммов питьевой воды недостает – все это оказывает влияние не только гигиеническое, но и воспитательное. У младенца, которому предстоит столько всего изучить, додумать, узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, разумно защищать и завоевывать, – должно быть хорошее самочувствие независимо от врожденного темперамента и быстрого или вялого ума.

Вместо нанизанного неологизма: «osesek» (польск. малыш) я употребляю старое выражение: «infans» (лат. дитя, младенец, ребенок). Греки говорили: «нэпиос», римляне: «infans». Если таково было желание польского языка, к чему вам переводить некрасивое немецкое «Säugling»? Нельзя произвольно хозяйничать в словаре старых и важных слов.

28. Зрение.

Свет и тьма, ночь и день. Во сне мало что происходит, наяву больше; случается что-то хорошее (грудь) или плохое (боль). Новорожденный смотрит на лампочку. И не смотрит: глазные яблоки то сходятся, то расходятся. Позже, водя взглядом за медленно передвигаемым предметом, поминутно улавливает его и теряет из виду.

Контуры тени, первые наброски линии, и все это без перспективы. Мать на расстоянии одного метра – уже другая тень, чем когда склоняется над ним вблизи. Сбоку ее лицо – словно серп месяца, и только подбородок и губы – если

смотреть снизу, лежа у матери на коленях; то же лицо – с глазами, и еще по-другому – с волосами, когда сильнее нагнется. А слух и обоняние говорят, что все это одно и то же.

Грудь – это светлое облако, вкус, запах, теплота, доброта. Младенец выпускает грудь и смотрит, изучая взглядом то удивительное что-то, которое появляется над грудью и откуда плывут звуки и веет теплом дыхания. Младенец не знает, что грудь, лицо, руки составляют единое целое – мать.

Кто-то чужой протягивает руки. Обманутый знакомым движением, знакомой картиной, ребенок переходит в эти руки. И тут только замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомой тени, приближая к чему-то чужому, вселяющему страх. Внезапным движением ребенок поворачивается к матери и, уже в безопасности, смотрит и удивляется или, чтобы избежать опасности, уткнется матери в грудь.

Наконец лицо матери перестает быть тенью, оно изучено руками. Младенец многократно хватал мать за нос, трогал удивительный глаз, который попеременно то блестит, то, матовый, прикрыт веком, и изучал волосы. А кто из нас не видал, как он отгибает губу, осматривает зубы, заглядывает в рот, сосредоточенный, суровый, важный! Только ему мешают пустая болтовня, поцелуи и шутки – то, что у нас называется «забавлять» ребенка. Это мы забавляемся, он изучает. У него уже есть очевидные для него истины, предположения и вопросы в стадии исследования.

29. Слух.

Все, начиная с далеких отголосков – уличного шума за окном, тиканья часов, разговоров и стука – и кончая обращенным непосредственно к ребенку шепотом и словами вслух, – все это создает хаос раздражения, которые он должен классифицировать и понять.

Сюда следует добавить звуки, которые издает сам ребенок, а значит, крик, агуканье, бормотанье. Прежде чем он узнает, что это он сам, а не кто-нибудь, кого не видно, агукает и кричит, пройдет много времени. Когда он лежит и бубнит свое «абб, аба, ада», он слушает и исследует ощущения, которые он испытывает, шевеля губами, языком, гортанью. Не зная еще себя, он устанавливает лишь произвольность одоления звукотворчества.

Когда я говорю младенцу на его собственном языке: «аба, абб, адда», он с удивлением присматривается ко мне – таинственному существу, издающему хорошо известные ему звуки.

Вдумайся мы глубже в сущность сознания, младенца, мы нашли бы там значительно больше, чем нам сперва представлялось, только не то и не в таком виде, как нам это представлялось. «Бедная моя малявочка, бедная моя голодная крошка, она хочет ам-ам, хочет маляко». Младенец прекрасно понимает, он ждет, когда кормящая расстегнет лиф и подложит

ему под подбородок платочек, и злится, если очень уж задержат ожидаемое угощение. И все-таки всю эту тираду мать произнесла самой себе, а не ребенку. Он легче закрепил бы в памяти те звуки, которыми хозяйка скликает домашнюю птицу: «цып-цып-цып» или «утя-утя».

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и боязнью впечатлений неприятных; о том, что он мыслит не только зрительными, но и звуковыми образами, можно судить хотя бы по заразительности крика; крик возвещает несчастье, или крик автоматически приводит в движение аппарат, выражающий неудовольствие. Внимательно приглядитесь к младенцу, когда он слушает плач.

30. Младенец упорно стремится овладеть внешним миром:

он желает одолеть окружающие его злые, враждебные силы и заставить служить на благо себе добрых духов. У него есть два заклятия, которыми он пользуется, прежде чем завоюет третье чудесное орудие воли: свои руки. Эти два заклятия – крик и сосание.

Если вначале младенец кричит, потому что его что-то беспокоит, то потом он научится кричать, чтобы предупредить возможное беспокойство. Оставь его одного – плачет, услышав шаги, успокаивается; хочет сосать – плачет, увидев приготовления к кормлению, перестает плакать.

Младенец действует в пределах сведений, которые у него имеются (а их мало), и средств, которыми он располагает (а они невелики). Совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два следующие друг за другом факта как причину и следствие (*post hoc, propter hoc*⁷). Не в том ли источник интереса и симпатии, которые вызывают у него башмачки, что он приписывает башмакам свою способность ходить? Так и пальтецо является тем волшебным ковром из сказки, который переносит его в мир чудес – на прогулку.

Я вправе делать подобные предположения. Если историк литературы вправе строить догадки, что хотел сказать Шекспир, создавая «Гамлета», то и педагог вправе делать, пусть даже ошибочные, предположения, когда они, за неимением иных, дают все же практические результаты.

Итак:

В комнате душно. У младенца сухие губы, слабо отделяется тягучая густая слюна, младенец капризничает. Молоко – пища, а ему хочется пить, – значит, дать ему воды. Но он «не хочет пить»; вертит головой и выбивает из рук ложку. Нет, он хочет пить, только еще не умеет. Ощутив на губах желанную жидкость, он мотает головой, ища сосок. Придерживаю ему голову левой рукой и прикладываю ложку к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, жадно сосет – выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если я ему раз-другой неумело подам жидкость с ложечки, он поперхнется, испытает неприятное

⁷ *Post hoc, (ergo) propter hoc* (лат.) – после этого, а значит, из-за этого.

чувство, и тогда уже на самом деле не захочет пить с ложки.

Второй пример:

Младенец, постоянно капризничающий, недовольный, успокаивается во время кормления грудью, когда его пеленают, купают, вообще при частой смене положения. Этого младенца беспокоит сыпь. Мне отвечают, что сыпи нет. Нет, так, наверное, будет. Через два месяца сыпь-таки появляется.

Третий пример:

Младенец сосет кулачки, когда ему что-то мешает, все неприятные ощущения, а значит, и беспокойство нетерпеливого ожидания он желает смягчить благодетельным, хорошо знакомым ему актом сосания. Сосет кулачки, когда хочется есть, пить, когда перекормлен и неприятный осадок во рту, когда что-нибудь болит, когда перегрет, когда чешутся кожа или десны. Отчего это бывает: врач предсказывает зубы, ребенок явно испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, а зубы не показываются в течение нескольких недель? Не раздражает ли прорезывающийся зуб мелких нервных волокон уже в самой кости? Добавлю, что и теленок, прежде чем у него вырастут рога, страдает подобным образом.

И тут путь таков: инстинкт сосания, сосание, чтобы не страдать, сосание как удовольствие или привычка.

31. Повторяю:

основным тоном и содержанием психической жизни младенца является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего его мира, откуда исходит добро и зло. Желая овладеть, младенец стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает объективное изучение, а всякие неприятные ощущения, причина которых лежит внутри его организма, а значит, в первую очередь, боль, затмевают его шаткое сознание. Чтобы убедиться в этом, надо присматриваться к младенцу, когда он здоров, страдает или болен.

Ощущая боль, младенец не только кричит, но и слышит свой крик, чувствует этот крик в горле, видит его сквозь полуприкрытые веки в виде расплывчатых образов. Все это – сильное, враждебное, грозное, непонятное. Ребенок должен хорошо помнить эти минуты и бояться их; а не зная еще себя, связывает их со случайно возникшими перед ним картинками. Это и есть, наверное, источник многих непонятных симпатий младенца, антипатий, страхов и странностей.

Изучать развитие интеллекта младенца невероятно трудно, ибо младенец по многу раз усваивает и забывает: это и движение вперед, и затишье, и отступление. Быть может, изменчивость самочувствия играет в этом важную, а может, и главную роль.

Младенец изучает свои руки. Распрямляет, водит ими вправо или влево, отдаляет, приближает, расставляет пальцы, сжимает в кулачок, что-то говорит им и ждет ответа, правой рукой хватает левую и тянет, берет погремушку и смотрит на странно изменившийся вид руки, перекладывает погремушку из одной руки в другую, сует в рот, тут же вынимает и опять разглядывает – внимательно, не спеша. Бросает погремушку, хватается за пуговицу на одеяле, изучает причину полученного отпора. Младенец не играет, имейте же, черт подери, глаза на лбу и заметьте его усилие воли, чтобы постичь! Это ученый в лаборатории, ищущий решение проблемы величайшей важности, которое от него ускользает.

Младенец навязывает свою волю криком. Потом мимикой лица и движением рук, и наконец – речью.

32. Раннее утро, скажем, пять часов утра.

Проснулся, улыбается, лопочет, двигает ручонками, садится, встает на ножки. Матери хочется еще поспать.

Конфликт двух хотений, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов; третий момент одного и того же процесса: мать страдает, а ребенок рождается для жизни: матери хочется отдохнуть после родов, а ребенок требует пищи; хочется вздремнуть, а ребенок желает бодрствовать. И такие конфликты будет всегда. Это не пустяк, а проблема; будь от-важна в своих чувствах и, отдавая ребенка наемной нянюш-

ке, скажи себе прямо «не хочу», хотя бы тебе врач и сказал, что не можешь, ибо он всегда скажет так на втором этаже с окнами на улицу и никогда – на чердаке.

Бывает и так: мать отдает ребенку свой сон, но требует за это плату, а значит, целует, ласкает, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое тельце. Будь начеку: это сомнительный акт экзальтированной чувствительности, скрытой, затаившейся в любви материнского тела, а не сердца. Знай, что ребенок охотно прильнет к тебе, покрасневшись от сотни поцелуев, с блестящими от радости глазами, то есть твой эротизм находит в нем отклик.

Значит, отказаться от поцелуя? Этого я не могу требовать, считая разумно дозированный поцелуй ценным воспитательным фактором: поцелуй успокаивает боль, смягчает резкое замечание, будит раскаяние, награждает усилия, является символом любви, как крест – символом веры, и действует как таковой. Я говорю: является символом любви, а не что должен являться символом любви. А впрочем, если это странное желание прижимать к себе, гладить, обонять, впитывать в себя ребенка не вызывает у тебя сомнений – делай как знаешь. Я ничего не запрещаю и не предписываю.

33. Когда я смотрю на младенца,

как он открывает и закрывает коробочку, кладет в нее и вынимает камешек, встряхивает и прислушивается; когда

годовалый ребенок тащит скамеечку, сгибаясь под ее тяжестью и пошатываясь; когда двухлетний, услышав, что корова – это «му-у», прибавляет от себя «ада-му-у-у», а «ада» – это имя их собаки, то есть делает архилогичные языковые ошибки, которые следует записывать и оглашать...

Когда среди разного хлама у ребенка постарше я вижу гвозди, веревочки, тряпочки, стеклышки, потому что это «пригодится» для осуществления сотни замыслов; когда дети пробуют, кто дальше «скакнет»; мастерят, возятся, затевают игру; спрашивают: «Когда я думаю о дереве, то у меня в голове маленькое дерево?»; дают нищему не двушку, чтобы видели и похвалили, а двадцать шесть грошей, все свое состояние, ведь он такой старый и бедный и скоро умрет...

Когда подросток, поплевав на ладонь, приглаживает волосы, потому что должна прийти подруга сестры; когда девушка пишет мне в письме, что «мир подлый, а люди звери», и умалчивает почему; когда юнец гордо бросает бунтарскую, но такую избитую, лежалую мысль – вызов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.